

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Чехарина В.И. Парламентские процедуры: о конституционно-правовых традициях регламентирования и современных тенденциях развития (российский опыт и зарубежная практика) // Политика и Общество. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.3.74996 EDN: AFTBHD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74996

Парламентские процедуры: о конституционно-правовых традициях регламентирования и современных тенденциях развития (российский опыт и зарубежная практика)

Чехарина Валентина Ивановна

ORCID: 0000-0002-5809-7568

кандидат юридических наук

старший научный сотрудник; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ chekharina@mail.ru

[Статья из рубрики "ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2025.3.74996

EDN:

AFTBHD

Дата направления статьи в редакцию:

26-06-2025

Дата публикации:

17-07-2025

Аннотация: Проблематика парламентаризма, организационного обеспечения деятельности парламентских учреждений является актуальной в современных условиях в теоретическом и практическом плане, с этой точки зрения объектом исследования являются парламентские процедуры как установленный порядок работы законодательного органа, обеспечивающий эффективное принятие решений. В этом контексте предмет исследования фокусируется на вопросах регламентирования парламентских процедур с позиций конституционно-правовых подходов, традиций работы парламентских учреждений, их функций, а также исходя из особенностей парламентаризма и парламентских форм правления. Особое внимание необходимо

сосредоточить на поиске резервов развития парламентских процедур, в первую очередь это касается законодательного процесса, иных юрисдикционных полномочий парламента, которые дополнили перечень полномочий парламента России после конституционной реформы 2020 г. Отдельно исследуются современные тенденции развития парламентских процедур, обусловленные информационно-коммуникационными технологиями, прежде всего, в законотворчестве. Сравнительно-правовой метод позволяет проанализировать регламентирование работы парламентских учреждений на ранних исторических этапах, особенно в европейских государствах, и показать на отдельных практических примерах типологию, схожесть и постоянство парламентских процедур, например, при использовании аналогичных терминов, таких как парламентское право, парламентская практика, законодательная процедура в современном контексте. В условиях новых вызовов, стоящих перед современными государствами, необходимо осмыслять процесс трансформации правовых институтов через цифровые категории. Логичным в этом контексте является вывод о применении цифрового подхода к парламенту, что определяется термином «электронный парламент», а в этой связи встает вопрос об «электронных» парламентских процедурах, прежде всего, в законодательном процессе, выработки специальных парламентских платформ. Особо необходимо выделить проблему дифференциации в регламентировании процедур, возникающую в связи с применением классических материальных норм и новых цифровых технологий, которая, возможно, станет в ближайшее время одной из ключевых по причине конфликтности их взаимодействия. Однако проблемы использования ИИ, прежде всего, в законодательном процессе трудно признать особенно насущными, поскольку опыт использования скорее выглядит как спорный и мало распространенный, что связано во многом со спонтанностью самих процессов информатизации. Требуются новые правовые стандарты регулирования, основанные на общем понятийном аппарате (глоссарии), что связано с накоплением опыта.

Ключевые слова:

парламентаризм, парламентская процедура, регламент, правила внутреннего распорядка, законодательный процесс, российский парламент, электронный парламент, электронные процедуры, информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект

Проблематика парламентаризма, организационного обеспечения деятельности парламентских учреждений является актуальной в современных условиях, как в теоретическом, так и в практическом плане. Проблематика российского парламентаризма занимает особое место в российской модели конституционного развития и актуализируется по мере ее становления и развития на разных исторических этапах. В России парламентаризм является важным общепризнанным институтом, в связи с чем изучение громадного опыта, накопленного в России в данной области, имеет важнейшее значение.

Вопрос о парламентаризме на протяжении многих лет является предметом дебатов и исследований представителей науки конституционного права, которые традиционно выделяют проблемы природы и сущности парламентаризма. Теоретические основы парламентаризма на современном этапе представлены в работах таких российских конституционалистов как С. А. Авакьян, А.Д. Керимов, Б. С. Крылов, А. А. Мишин, М. А. Могунова, Т. Я. Хабриева, Ю. Л. Шульженко, В. Е. Усанов и др.

До настоящего времени среди отечественных исследователей не сложилось единого мнения по вопросам, связанным с теорией и практикой парламентаризма [\[1\]](#). Наряду с рассмотрением проблем парламентаризма в целом, авторы детально анализируют вопросы организации работы парламента, хотя специальных трудов по этой проблематике не так много [\[2, 3\]](#). Актуальным представляется продолжение исследований парламентаризма с точки зрения развития парламентских процедур, их регламентирования, исходя из традиционных конституционно-правовых подходов, специфики парламентских форм правления и особенно на фоне стремительного развития информационно-коммуникационных технологий. Парламентские практики, связанные с информационно-коммуникационными технологиями, являются важным фактором, формирующим новые подходы к организации работы парламентов.

Применение сравнительно-правового метода и историко-правового подхода к анализу опыта регулирования работы парламентских учреждений позволяет проанализировать типологию регламентирования, процессуальное своеобразие и продемонстрировать схожесть парламентских процедур, особенно на ранних этапах, что свидетельствует о стабильности функционирования парламентских учреждений. Конкретно-исторический метод позволяет акцентировать внимание на проблеме становления и разработки парламентских процедур в работе первой Государственной думы Российской империи и подчеркнуть своеобразие и уникальность российского парламентского опыта. Вместе с тем в условиях вызовов, стоящих перед современными государствами, необходимо по-новому осмыслить развитие парламентских процедур через информационно-коммуникационные технологии, цифровые категории в целях эффективной работы парламентов.

С историко-правовой точки зрения парламентаризм развивался в условиях различных государств, имевших чрезвычайно различающуюся степень реализации демократических институтов правления. В одних государствах возникновение парламентаризма предшествовало широкому развитию институтов демократического правления (Великобритания, Турция, Индия), в других государствах (например, скандинавского региона) становление парламентских институтов и развитие демократии протекало более или менее параллельно [\[4, с.29\]](#).

В исследованиях, посвященных конституционным формам правления, нередко предпочтение отдается парламентаризму. Вместе с тем президентство и особенности форм правления, сочетающих в себе выборного президента с кабинетом министров, пользующихся доверием парламента, широко распространены в странах, которые в последние десятилетия проводили конституционные реформы. Если принципы, на которых основаны и функционируют исполнительная власть и ассамблея, различаются при президентской и парламентской формах правления, то существует также конституционные режимы, сочетающие элементы обоих типов [\[5, с.129\]](#).

В литературе нет единого мнения о том, какие термины использовать. Например, М. Дюверже называет их полупрезидентскими [\[6\]](#), в то время как М. С. Шугарт и Дж. М. Кэри [\[7\]](#), Р. Элджи [\[8\]](#) различают премьер-президентскую и президентско-парламентскую формы, используется также термин «гибридные» [\[5, с.129\]](#). Традиционно в этих случаях в литературе употребляется термин «смешанные». Следует согласиться с В.Е. Чиркиным, который подчеркивает, что в результате применения «смешанных характеристик довольно трудно вычлениить формы чистой парламентской республики». В.Е. Чиркин отмечает, что в современных условиях «чистые» формы президентских и парламентских

республик сравнительно редки [\[9, с. 128-129\]](#).

Как полагает Т. Я. Хабриева [\[10, с. 17\]](#), для России особенно важно, что парламентаризм и президентализм не противостоят друг другу, а могут сосуществовать. Идея сильного лидера может сосуществовать с правлением парламента в условиях, когда оба органа получают свой мандат непосредственно от народа, и если первый вынужден опираться преимущественно на мнение большинства, его избравшего, то второй должен постоянно отыскивать компромиссы при принятии государственно-властных решений. Этому способствует и закреплённая в 2020 г. модель формирования правительства, часть которого назначается Президентом России самостоятельно после консультаций с Советом Федерации, а другая по представлению председателя Правительства РФ утверждается Государственной Думой, что ставит министров в бóльшую зависимость от парламента, чем это было ранее [\[2, с. 11\]](#). Парламентаризм рассматривается как особая система государственного руководства, базирующаяся на разделении властей, представительности, законодательной и контрольной компетенции парламента [\[11, с. 63-64\]](#).

Отмечается также, что в различных государствах, занимавшихся конституционным реформированием в последние десятилетия XX века, проявилась тенденция к созданию и сохранению влиятельных выборных президентских должностей. В то же время наблюдалась тенденция к признанию некоторой роли ассамблей в выражении доверия по крайней мере к части исполнительной власти. Например, латиноамериканские государства в последние десятилетия демонстрируют некоторые изменения в институциональном устройстве в этом направлении. Более распространёнными стали конституционные форматы, сочетающие в себе аспекты президентской и парламентской систем [\[5, с. 129\]](#).

В юридической литературе указывается, что компетенция современного российского парламента охватывает законодательную, представительную, конституционную, внутриорганизационную, контрольную функции [\[12\]](#). Подходы к классификации полномочий в разных государствах достаточно отличаются, что также зависит от специфики формы правления. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что одной из важнейших составляющих основу правового статуса парламента выступает законодательная функция, которая при этом не является единственной. Парламентские процедуры разнообразны, поэтому одним из перспективных подходов к их классификации является разделение в зависимости от основных функций парламента [\[13\]](#).

Н. И. Лазаревский утверждал: «Парламент, как и всякое учреждение, может функционировать только при условии известной его организации: он нуждается в председателе, который бы руководил прениями, нуждается в помещении, а, следовательно, и в лице, которое ведало бы хозяйственной частью; нужно, чтобы кто-либо вел протоколы и т. д. Ввиду особой важности дел, разрешаемых парламентом, правила, определяющие его внутреннюю организацию, представляют громадное практическое значение» [\[14, с. 372\]](#).

Среди стран, «экспериментировавших» с парламентскими формами в XIX – начале XX столетия были Великобритания, Франция, Германия, Австрия и Россия. В 1905 г. Николай II согласился на созыв Государственной Думы. Работа Думы строилась на основе ее собственных процедурных правил, соответствовавших конкретным особенностям и

интересам взаимодействовавших в ней политических сил — в этом она почти не отличалась от всех остальных законодательных органов, при этом современники отмечали «своеобразие нового русского строя и возможности развития» [15].

Правила организации деятельности учреждений парламентского типа возникли еще в ранних британских парламентах. Парламентские процедуры, также называемые правилами порядка работы парламента, определялись ещё как общепринятые правила, прецеденты и практика, обычно используемые в управлении совещательными собраниями. Такие правила предназначены для поддержания приличия, выяснения воли большинства, защиты прав меньшинства и облегчения упорядоченного ведения дел собрания [Parliamentary Procedure: A Legislator's Guide [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ncsl.org/about-state-legislatures/parliamentary-procedure-a-legislators-guide> (дата обращения 15.04.2025)].

В 1560-е гг. сэр Томас Смит подготовил официальное обращение о процедурах в Палате общин, которое было опубликовано в 1583 г. Закон Парламента (Lex Parliamentaria) или «Трактат о законах и обычаях парламентов Англии», впервые опубликованный в 1690 г., стал карманным пособием для членов парламента, включив в себя множество прецедентов, имевших место в британском парламенте. В нем, в частности, были представлены следующие положения: 1) за один раз следует обсуждать по одному вопросу (принято в 1581 г.); 2) председатель всегда должен призывать к голосованию «против» (1604); в дебатах следует избегать личных нападок и непристойного поведения (1604). «Тот, кто отклоняется от вопроса, чтобы «обрушиться» на человека, должен быть «подавлен» оратором. ... Нельзя использовать оскорбительные слова»; 3) дебаты должны быть ограничены существом вопроса (1610) [Parliamentary procedure [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/parliamentary-procedure> (дата обращения 21.04.2025)].

Первой работой, интерпретирующей и определяющей парламентские принципы для нового американского правительства, стало «Руководство по парламентской практике» (1801), написанное Томасом Джефферсоном, третьим президентом США [Jefferson's Parliamentary Writings: Parliamentary Pocket-Book and A Manual of Parliamentary Practice, Second Series/ed. by W. S. Howell, Princeton University Press, 1988 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt7ztg43> (дата обращения 21.04.2025)].

В США в 1845 г. появилось «Руководство по парламентской практике» Лютера С. Кушинга, юриста и клерка Палаты представителей Массачусетса, которое характеризовалось как попытка представить «собрание всех мастей... особенно... тех, которые не являются законодательными по своему характеру» [Cushing L. S. Rules of proceeding and debate in deliberative assemblies. Manual of parliamentary practice, New York, 1887 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/60757/60757-h/60757-h.htm> (дата обращения 21.04.2025)].

Правила порядка Роберта (1876) [Official Robert's Rules of Order Web Site [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://robertsrules.com/> (дата обращения 21.04.2025)], кодифицированные офицером армии США генералом Генри М. Робертом, которые прошли через различные издания и переиздания и продолжают публиковаться, оказали длительное влияние на развитие парламентской процедуры, особенно на американском континенте. Термин «Правила порядка Роберта» обычно используется как синоним парламентской процедуры. Согласно правилам Роберта, «совещательное собрание», к которому обычно применяется парламентское право, имеет следующие характеристики:

это независимая или автономная группа, созываемая для определения действий группы в свободном обсуждении; его размер достаточно велик, чтобы было необходимо официальное разбирательство; его члены свободны в своих действиях, и голос каждого члена имеет равный вес; несогласие «не означает выхода из органа»; и присутствующие члены действуют от имени всего членства «с учетом только таких ограничений, которые могут быть установлены руководящими правилами органа» [Parliamentary Procedure: A Legislator's Guide [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ncsl.org/about-state-legislatures/parliamentary-procedure-a-legislators-guide> (дата обращения 21.04.2025)].

В Соединенных Штатах относительно процедур используются термины парламентское право, парламентская практика, законодательная процедура, правила порядка [Sturgis A. Standard code of parliamentary procedure. American Institute of Parliamentarians. Revision Committee, New York: McGraw-Hill, 1988. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://archive.org/details/standardcodeofpa00alic> (дата обращения 21.04.2025)].

В Соединенном Королевстве, Канаде, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и других англоязычных странах парламентская процедура часто называется «председательством», «правом заседаний», «процедурой на совещаниях», «проведением заседаний» или «постоянными» распоряжениями. Регламентирование работы парламентов в европейских государствах во многих отношениях отличается от процедур как британского парламента, так и Конгресса США, которые характеризуются как «сложные и неясные» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ncsl.org/about-state-legislatures/parliamentary-procedure-a-legislators-guide> (дата обращения 21.04.2025)].

Поскольку истоки английского парламента восходят к XIII столетию, сложилось множество правил, обычаев и традиций, которые помогают организовать его работу. Большая часть парламентских процедур развивалась на основе постоянного использования на протяжении нескольких веков и не была записана в регламентах. Иногда это называют «обычаем и практикой» [UK Parliament. Rules and traditions of Parliament [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.parliament.uk/about/how/role/customs/> (дата обращения 21.03.2025)]. Процедуры, соблюдаемые как правила в работе палаты парламента, считаются парламентскими независимо от того, относятся ли они к регламенту (и, следовательно, регулируются Палатой), традиционной практике или же вытекают из «постановлений спикера». Множество процедур были разработаны на основе прецедентов, таких как постановления спикера и резолюции Палаты.

Парламентские процедуры в государствах, основанных на Вестминстерской системе, построенной на принципах государственной модели Великобритании, проистекают не только из понимания и принятия того, как дела шли в прошлом, но и встроены в современную культуру в соответствии с демократическими принципами. Под процедурой понимается одновременно «средство», используемые для ограничения использования власти, и «процесс», узаконивающий осуществление власти и противостояние ей. Парламентская процедура также описывается как «сочетание двух элементов, традиционного и демократического» [House of Commons procedure and practice / by Robert Marleau and Camille Montpetit, Ottawa - Ontario: House of Commons, 2000. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ourcommons.ca/marleaumontpetit/DocumentViewer.aspx?DocId=1001&Sec=Ch05&Seq=0&Language=E/> (дата обращения 21.03.2025)].

Так, работа Палаты общин Канады, учрежденная ещё в 1867 г., регулируется обширным сводом парламентских правил и практик, причем практика представляет собой ту часть процедуры, которая развивалась спонтанно и стала рассматриваться как обычный или регулярный способ работы, хотя и не прописанный в правилах (регламенте). Многие из этих правил и практик возникли в Соединенном Королевстве, другие были вдохновлены законодательными собраниями до создания Конфедерации и впоследствии приняты в Канаде. Ряд правил был изобретен в самом парламенте, иные прослеживаются по аналогии в средневековых судах и на церковных советах. При этом некоторые правила практически не изменились за последние четыреста лет, хотя часть эволюционировала и со временем влилась в общепринятую практику. Например, «*De Republica Anglorum*» сэра Томаса Смита 1560 г. содержит впечатляющий список процедурных правил и практик, которые почти не изменились за более чем 430 лет [House of Commons procedure and practice / by Robert Marleau and Camille Montpetit. Ottawa - Ontario: House of Commons, 2000 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ourcommons.ca/marleaumontpetit/DocumentViewer.aspx?DocId=1001&Sec=Ch05&Seq=0&Language=E>(дата обращения 21.04.2025)]. Истоки некоторых из самых ранних парламентских практик теряются в истории.

В большинстве европейских стран существует специальный правовой акт, именующийся регламентом, понимаемым как форма регулирования внутренней организации процедуры парламента (или его палат) [16, с. 31]. Французский конституционалист М. Прело утверждает, что регламент «с точки зрения материальной определяет внутреннюю организацию каждой палаты и устанавливает правила парламентской процедуры; с точки зрения формальной он представляет собой резолюцию палаты, т.е. предложение, принятое палатой и не промульгированное» [17, с. 467]. В Восточной и Центральной Европе наблюдается преемственность по отношению к традиционной немецкой и французской модели, предусматривающей отдельный акт о регламенте.

Обычно конституции содержат специальную оговорку, которая устанавливает, что регламенты принимаются парламентом или каждой из его палат, как правило, в форме постановления. В некоторых странах регламенты приобретают форму закона, принятого парламентом (например, Чехия, Эстония, Литва, Латвия). Утверждается, что относительно внутренней организации и процедуры парламента регламент является единственным правовым актом, регулирующим эти вопросы наиболее комплексным образом. Одновременно отмечается значение конституций, содержащих в настоящее время более обстоятельно разработанные положения относительно правотворческого процесса, иных парламентских процедур и некоторых других аспектов парламентской деятельности [16, с. 31, 32]. Это в большей степени касается сфер деятельности, требующих специального регламентирования, например, бюджетного процесса, предотвращения коррупции и др. Если же речь идет о статусе парламентариев и политической организации парламента, возникают другие источники права, такие как законы о статусе парламентариев, политических партиях, избирательные законы и др.

Происхождение и обоснование особого статуса парламентских процедур в классическом варианте похоже не подвергается сомнению. Особое политическое положение парламента требует, чтобы он имел право самостоятельно, независимо от других органов, регулировать свои дела. Однако, несмотря на признание конституционной преемственности института парламентского регламента в европейских странах, статус регламента как нормативного акта в конституционной системе источников права до сих пор вызывает как доктринальные, так и практические сомнения.

В некоторых конституционных системах отмечается исключительный характер регламента как источника права. Так, в Италии соотношение между регламентом и обычным правом представляет собой соотношение отдельных полномочий, а в случае каких-либо конфликтов между этими источниками считается, что один из них действует *ultra vires*. Конституционный Суд Италии в решении N 78 от 1984 г. постановил, что «касается дисциплины законодательной процедуры, регламент каждой палаты как непосредственное развитие Конституции является осуществлением полномочий, изъятых из самого обычного права. Но если нормативная автономия каждой из двух палат парламента является препятствием даже по отношению к обычному законодателю, то тем более следует учитывать, что правила одной палаты и, следовательно, толкование Конституции с этой даты имеют равное действие по отношению к другой палате, и наоборот» [Repubblica Italiana. In nome del Popolo Italiano. Le Corte Costituzionale. Sentenza N. 78. ANNO 1984. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://giurcost.org/decisioni/1984/0078s-84.html> (дата обращения 21.03.2025)].

Германия не ссылается на вековые парламентские традиции, тем не менее регламентские принципы немецкого Бундестага продолжают традиции Регламента Прусской Палаты Депутатов 1849 г., а некоторые его абзацы были сохранены почти в дословном звучании. Воздействие на создание Регламента Прусской Палаты Депутатов оказал, в свою очередь, Регламент бельгийской Палаты Депутатов 1831 г. Бельгийские же регламентские принципы брали пример с французской модели, теоретические основы которой взяты из практики английского парламента, а в практическом опыте учитывались предложения английского философа и правоведа И. Бентама. В «Эссе о политической тактике» И. Бентама содержится шесть основных правил, которые должны соблюдаться политическим собранием в процессе принятия решения с объяснением причинам, на которых они основаны, в их сравнительном применении к британской и французской практике [Bentham J. Essay on Political Tactics, 1791 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ucl.ac.uk/bentham-project/publications/collected-works-jeremy-bentham/political-tactics> (дата обращения: 21.03.2025)].

Сравнительно-правовой ракурс опыта регулирования работы парламентских учреждений в европейских государствах свидетельствует о типологии, схожести регламентирования, традиционном и процессуальном своеобразии, а также историко-правовом пересечении парламентских процедур, особенно на начальном этапе формирования и принятия, при этом часть процедур продолжает сохранять актуальность и по сей день, уходя традициями в прошлое, лишь меняя форму изложения.

Представляется, что в настоящее время актуализируются задачи переосмысления регламента как правового документа в рамках цифровых технологий и разработки специального цифрового регламента, что особенно касается законодательного процесса и проблем внедрения искусственного интеллекта. Следует обратить внимание на устоявшиеся почти столетиями «церемониальность», консерватизм, «символизм» правил принятия решений в парламентах, которые продолжают действовать в настоящее время, что, по нашему мнению, может быть определенным препятствием перехода к современным цифровым процедурам.

В России сложность исторического момента, связанного с работой I Государственной думы Российской империи, состояла очевидно в том, что не имелось опыта парламентской деятельности, не было общепризнанных норм, прецедентов, не сложилось обычаев, регламентирующих парламентские процедуры, правительство не обладало навыками обращения с парламентом, а парламент не знал, как работать совместно с министрами. Официально о создании в России Государственной думы было

объявлено 6 августа 1905 г. путем опубликования Высочайшего манифеста и сопутствующих документов.

Задачи I Государственной думы в понимании различных политических течений, которые в ней были представлены, рисовались совершенно различно. Если с точки зрения одних Государственная дума представлялась законодательным учреждением, действующим в определенных конституционных рамках, то для других она была трибуной и только трибуной для политической пропаганды, разносящейся по всей стране [Речь В.Д. Набокова памяти С.А. Муромцева — председателя первой Государственной Думы// Закон, № 12, 2010, с. 184].

Как известно, регламентация деятельности Государственной думы Российской империи была отнесена статьей 62 «Учреждения Государственной Думы» к компетенции ее самой. В «Учреждении Государственной Думы» предусматривалось, что Дума сама разрабатывает и принимает свой регламент, при условии, что он не противоречит её статуту [Манифест об учреждении Государственной Думы 1905 года, августа 6, ПСЗРИ, собр. III, т. XXV, отд. 1-е. СПб., 1908, ст. 26656].

Таким образом, при проектировании Думы было решено, что правила внутреннего распорядка Дума будет разрабатывать и принимать самостоятельно, в отличие от существовавшей прежде практики, когда для нового учреждения заранее готовились и статут, и правила работы. В этом проявилось понимание Думы, прежде всего, как парламентского учреждения.

С.А. Муромцев, первый Председатель Государственной думы Российской империи, обращая внимание на практику европейских парламентов, подчеркивал, что «... Государственная дума восприняла свои руководящие принципы и основные формы делопроизводства от европейских парламентов. ...Из этого не следует, однако, чтобы творчество носило характер исключительного подражания или непосредственного заимствования. ... На русской почве западным формам нужно было считаться, во-первых, с особенностями отечественного законодательства, своеобразно определившего основные черты в устройстве русского парламента, и, во-вторых, с некоторыми особенностями психологического настроения думской среды, которое, естественно, не могло не отражаться и на внешнем порядке законодательной работы Думы» [\[18, с. 1359\]](#).

Государственная дума Российской империи четырех созывов работала в соответствии со своими собственными процедурными правилами. За двенадцать лет существования дореволюционной Думы её Наказы (регламенты) претерпели сложную эволюцию, начиная от проекта Наказа С. Муромцева и М. Острогорского и организационных правил (прецедентов) первой Думы до Наказа IV Думы, в котором отразился многолетний опыт всех созывов.

Сейчас порядок работы, внутренне устройство и парламентские процедуры Государственной Думы Федерального Собрания РФ восьмого созыва регулируются Конституцией РФ и Регламентом, принятым постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 года N 2134-II ГД (последнее изменение Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 13 мая 2025 года № 8246-8 ГД). В настоящее время возникают новые задачи дальнейшего развития теории и практики парламентаризма, парламентских процедур, связанных с современными вызовами и информационно-коммуникационными технологиями.

В отечественной юридической литературе представлено несколько подходов к

определению парламентских процедур. Под парламентскими процедурами, как правило, понимают группу норм права, регулирующих порядок созыва и роспуска парламента, состав, способ формирования и порядок функционирования его органов, кворум, права и обязанности субъектов, участвующих в работе, и на основании которых он реализует свои права и исполняет обязанности, как государственно-властный институт» [\[19, с. 220\]](#).

Авторы отмечают также исключительно внутренний характер парламентских процедур, когда под парламентскими процедурами понимается особая форма реализации функций законодательного органа, представляющая собой нормативно-установленный порядок работы парламента, выраженный в совокупности последовательных действий, которые регламентарно установлены для реализации парламентом своих конституционных полномочий и функций. При этом предполагается, что в рамках парламентских процедур реализуются полномочия как самого парламента, так и других органов государственной власти [\[20\]](#).

Следует согласиться с С. А. Авакьяном, который отмечает, что в исследовании парламентских процедур до последнего времени более пристальное внимание уделяется непосредственно правилам проведения заседаний парламента или их палат [\[21, с. 8\]](#). В тоже время можно выделить и более широкий круг проблем, фундаментального анализа которых требуют теория и практика парламентских процедур.

Более того, необходимо значительно большее внимание уделять правовым аспектам, связанным с применением цифровых подходов к парламентским процедурам, особенно выделяя законодательный процесс, дабы избежать хаотизации, случайности, ошибок, при этом учитывая необходимость соблюдения конституционных принципов. В этих целях требуется разработка цифрового глоссария и единых руководящих принципов искусственного интеллекта, которые могли бы стать частью новых цифровых парламентских регламентов.

Каковы современные тенденции и направления развития парламентских процедур в российском парламенте и их регламентирования в рамках соблюдения конституционных принципов, совершенствования подходов к систематизации, а также влияния технологической революции? Помимо анализа парламентских процедур, их классификации, основной акцент в современных исследованиях сделан на поиске резервов их развития. В первую очередь это касается законодательного процесса, юрисдикционных полномочий парламента, многие из которых дополнили перечень полномочий парламента России после конституционной реформы 2020 г. [\[2\]](#).

Изменения и законодательные новеллы в сфере регулирования цифровых и информационных технологий, сети Интернет, отрасли связи, обработки данных, функционирования цифровых платформ, применения технологий искусственного интеллекта оказывают значительное влияние на функционирование всех государственных и общественных институтов, что охватывает и деятельность парламентских учреждений. В условиях современных информационных вызовов к основным задачам относится определение основных направлений трансформации законодательного процесса в контексте его информатизации и разработка предложений по корректировке такой трансформации.

Вопрос о применении информационно-коммуникационных технологий в ежедневной деятельности представительных органов давно не является дискуссионным — современные технологии активно используются. Дискуссии идут об объеме их применения, о возможности дистанционных, заочных, очно-дистанционных заседаний в

так называемом смешанном формате [22]. Актуальным направлением совершенствования парламентских процедур является также постепенное расширение возможностей взаимодействия представительных органов с избирателями, институтами гражданского общества, иными органами публичной власти путем внедрения процедур с использованием информационно-коммуникационных технологий [23, с. 143].

Особое внимание теперь необходимо уделять проблемам создания соответствующей нормативной базы в условиях цифровизации работы парламента. В связи с этим возникает проблема дифференциации конституционно-правового регулирования деятельности парламента с точки зрения процессов цифровизации и выделения тех процедур, где применяются ИКТ.

В условиях новых вызовов, стоящих перед современными государствами, исследователи предлагают осмыслить процесс трансформации правовых институтов через такие категории, как «цифровая конституция», «цифровые права», «цифровые конституционные права», «цифровой конституционализм», «цифровое конституционное право» [24, с. 88-89]. Логичным в этом контексте является применение цифрового подхода к парламентам, что определяется термином «электронный парламента», а в этой связи встает вопрос об «электронных» парламентских процедурах.

Следует отметить, что такой подход носит, по нашему мнению, дискуссионный характер, поскольку традиционная роль парламента, их полномочия закреплены в конституциях. В этой связи возможно рассматривать вопрос о принятии специальных цифровых парламентских регламента, предусматривающих перечень цифровых процедур.

В 2005 г. Межпарламентским союзом и Департаментом по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций был запущен проект «Глобальный центр по ИКТ в парламентах», цели которого определены как следующие: содействовать внедрению ИКТ в работу парламента для повышения прозрачности и эффективности; усилить роль парламента в создании законодательной базы, необходимой для разработки устойчивой политики в области ИКТ и создания инклюзивного информационного общества; расширить доступ граждан к деятельности парламента и их документации, тем самым повышая открытость и подотчетность законодательных органов; найти новые способы координации между международным сообществом и парламентами в поддержку инициатив, связанных с ИКТ, как в исследовательском, так и в оперативном аспектах [International Organization of Parliaments. IPU. Parliaments and ICT. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://archive.ipu.org/dem-e/parl-ict.htm> (дата обращения 24.04.2025)].

«Электронный парламента» определяется как законодательный орган, который может быть более прозрачным, доступным и подотчетным благодаря информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) в глобальном электронном парламенте. Швеция была одной из первых стран, внедривших электронный парламента, за ней последовали Дания и Норвегия, в то время как между развитыми и развивающимися странами в этом отношении существует большой разрыв [Issa B., Saroufim A., Hussein B. Information Technology Adoption in Legislative Work: The Lebanese Parliament Model// Intelligent Sustainable Systems. Lecture Notes in Networks and Systems, Springer, Singapore, 2024 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-981-99-8031-4_7 (дата обращения: 25.03.2025)]. Следует отметить, что в странах Латинской Америки, несмотря на относительно низкий уровень распространения Интернета и кризис доверия к политическим институтам, парламента достаточно последовательно открывают

гражданам доступ к своей деятельности, обеспечивая виртуальные парламентские процедуры участия в процессе законотворчества [\[25\]](#).

Использование инструментов электронного парламента в законодательном процессе имеет различные формы своего применения за рубежом и в России, которые требуют углубленной оценки. В этой связи представляется разумным активнее привлекать граждан к законодательной деятельности парламента с использованием инструментов электронной демократии путем создания в России электронной платформы взаимодействия парламента и гражданского общества «Электронный парламент России» [\[26, с. 62\]](#), где обращения граждан в Госдуму, содержащие просьбы о разработке законов либо предложения о внесении изменений в нормативные правовые акты, приобрели бы новое звучание, что позволило бы повысить доверие общества к деятельности Федерального Собрания Российской Федерации и актуализировать институт рассмотрения общественных инициатив в РФ. Интернет-механизм его осуществления предусмотрен сейчас интернет-ресурсом «Российская общественная инициатива» (РОИ), созданным во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Необходимо создавать и развивать специальные электронные платформы в рамках законотворческого процесса с целью анализа и оценки предложений граждан, непрерывности обмена информацией, проведения обсуждений в режиме реального времени.

Использование искусственного интеллекта (ИИ) в парламентах трудно игнорировать как сложную современную проблему в силу их консервативной роли. Несмотря на широкое признание необходимости внедрения ИИ, примеров его практического применения в парламентах не очень много. Интересен в этом контексте латиноамериканский опыт. Так, например, Палата депутатов Бразилии запустила Ulysses — набор инструментов на основе ИИ для улучшения законодательного процесса и взаимодействия с гражданами [\[27\]](#).

Приложения на основе ИИ могут автоматизировать некоторые рутинные задачи в парламенте, такие как выявление закономерностей и событий, уведомление соответствующих сторон, составление прогнозов, рекомендации по действиям, принятие мер предосторожности и даже принятие решений без участия человека. Все это может происходить практически в режиме реального времени. Однако за этим стоит не одна технология и не набор «нишевых» приложений. Скорее, сегодня ИИ объединяет множество технологий [\[28, с. 11-12\]](#).

Представляется, что необходимо активнее исследовать российский опыт внедрения цифровых технологий в работу парламентских учреждений на региональном уровне. Так, например, на XVI Международном IT-форуме с участием стран БРИКС и ШОС в Ханты-Мансийске, проходившем с 25 по 27 июня 2025 г., руководство Законодательного собрания Пермского края представило опыт цифровизации законотворчества. Как сообщается, в Законодательном собрании Прикамья с помощью собственных разработок автоматизировано 18 процессов, более 50 отчетных форм и две интеграции с внешними системами. «Кабинет депутата» предоставляет парламентариям доступ ко всем необходимым материалам и информации, в том числе к повесткам заседаний, законопроектам, аналитическим материалам и другим документам. Краевой парламент поделился также опытом пользования сервисами, работающими с использованием искусственного интеллекта. За последние два года для знакомства с цифровыми

сервисами регионального парламента в Пермь приезжали делегации из Татарстана, Башкортостана, Нижегородской и Кировской областей, а также региональные координаторы проекта «Цифровая Россия» [Валерий Сухих: «Цифровизация – неотъемлемая часть работы современных парламентов» [Электронный ресурс]]// Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7835256?erid=F7NfYUJCUnETRUYwkY3j>(дата обращения 11. 07.2025)].

Конкретные парламентские процедуры обусловлены рядом факторов, которые в том числе являются неизменными и проявляются в любом парламенте, базирующемся, прежде всего, на представительной и законодательной его роли. Вместе с тем существует определенная специфика применительно к конкретным государствам, обусловленная особенностями формы правления, историко-правовыми традициями, объемом полномочий, пределами взаимодействия с другими органами публичной власти, закрепленными в конституциях, регламентах, других правовых актах, которую необходимо учитывать при решении современных проблем регламентирования парламентских процедур.

В настоящее время специфика регламентирования, по нашему мнению, будет обусловлена преимущественно процессами цифровизации и внедрением ИИ в законотворческий процесс, что требует адаптации парламентских учреждений к вызовам XXI в., в первую очередь, к цифровым технологиям. В связи с этим продолжение исследований проблем организации работы парламента представляется весьма актуальным.

Исходя из тенденций развития ИКТ, парламенты могут стать ведущими институтами в области использования инструментов и сервисов на основе ИИ как в сфере применения, так и в регулирования ИИ, разрабатывая необходимые правовые механизмы. Однако проблемы применения ИИ, прежде всего, в законодательном процессе, трудно признать особенно насущными, поскольку опыт использования выглядит скорее как спорный и мало распространенный, что во многом обусловлено спонтанностью самих процессов информатизации. Требуются новые правовые стандарты регулирования, основанные на общем понятийном аппарате (глоссарии), что связано с накоплением и детальным анализом опыта. Вместе с тем проблемы использования ИИ, прежде всего, в законодательном процессе, обусловлены также спецификой правотворчества, когда следует учитывать каждый этап, и тем фактором, что окончательные решения должны приниматься непосредственно самими членами представительного учреждения в рамках соблюдения конституционных принципов.

Библиография

1. Шульженко Ю.Л. Конституционализм и парламентаризм: понятия, соотношение // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право. 2018. № 3(47). С. 5-24. DOI: 10.21685/2072-3016-2018-3-1. EDN: OQNZOC.
2. Кошель А. Парламентские процедуры в России: конституционные стандарты. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2025. 360 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-4191-3. EDN: IQTLHL.
3. Парламентское право России / Под ред. Т.Я. Хабриевой, И.М. Степанова. М.: Юрист, 1999. 392 с.
4. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм: теория и практика. М.: Издательство, 2001. 348 с.
5. Carey J. M., Micozzi J. P. Presidential, Parliamentary and Hybrid Forms of Government / ed. by C. Ménard, M. M. Shirley. Handbook of New Institutional Economics. Springer, 2025.

Рр. 129-158.

6. Duverger M. A new political system model: Semi-presidential government // *European Journal of Political Research*. 1980. No 8(2). Pp. 165-187.
7. Shugart M. S., Carey J. M. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. First Edition. Cambridge University Press, 1992. 332 p.
8. Elgie R. *Semi-presidentialism: Sub-types and democratic performance*. Oxford University Press, 2011. 206 p.
9. Чиркин В.Е. *Основы сравнительного государственоведения*. М.: Артикул, 1997. 352 с. EDN: TYYJPD.
10. *Парламентское право России: монография / Под ред. Т. Я. Хабриевой*. – М.: Издательство Государственной Думы, 2013. 398 с.
11. Кравец И.А. Конституционный дизайн, государственные преобразования и российский бикамерализм в начале XX века // *Право и политика*. 2018. № 4. С. 60-106. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.4.25339 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25339
12. Тихомиров Ю. А. *Теория компетенции*. М.: Юринформцентр, 2001. 356 с. EDN: RFXTXR.
13. Сероус А. В. Парламентские процедуры и функции парламента: вопросы взаимообусловленности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 5(296). Право. Вып. 35. С. 26-31. EDN: PYQNEH.
14. Лазаревский Н. И. *Русское государственное право*. Том 1. Конституционное право. 3-е изд. Санкт-Петербург: типография Акц. Общ. "Слово", 1913. 672 с.
15. Котляревский С. А. *Юридические предпосылки русских основных законов*. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912.
16. *Регламенты в парламентской практике: материалы междунар. конф.: "Регламенты в парламентской практике"*, Пултуск, 8-11 мая 1994 г. / Под ред. Д. Лукаш, В. Стаськевич. – Варшава: Бюро по исследованиям и экспертным заключениям Канцелярии Сейма Республики Польша, 1995. 319 с.
17. Прело М. *Конституционное право Франции* / пер. с фр. Ф. А. Кублицкого, под ред. и с предисл. А. З. Манфреда. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 671 с.
18. Муромцев С. Формализм в Государственной Думе // *Право*. 1907. № 19. С. 1359.
19. *Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика* / под ред. Булакова О.Н. М.: Эксмо, 2005. 319 с.
20. Кошель А. С. Парламентская процедура как вид юридической процедуры // *Правоприменение*. 2021. Т. 5, № 2. С. 170-184. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).170-184. EDN: XRLENK.
21. Авакьян С. А. Парламентские процедуры: конституционно-правовое регулирование и практика // *Парламентские процедуры: проблемы России и за рубежный опыт: материалы науч. конф., Москва, 21-23 марта 2002 г.* / под ред. С. А. Авакьяна. – М.: Издательство МГУ, 2003. 475 с.
22. Андреечев И. С. Пандемия COVID-19: практика применения дистанционных форм в парламентских процедурах представительных органов (допустимость и подходы к правовому регулированию) // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 9. С. 66-70. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-9-66-70. EDN: IZIBXG.
23. Садовникова Г. Д. Процедурные нормы и их значение в реализации функций представительных органов // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 1(12). С. 135-143. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.112.12.135-143. EDN: YDFHTH.
24. Кравец И. А. Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) // *Право и государство*. 2020. № 3-4. С. 85-104. DOI: 10.51634/2307-5201_2020_34_85. EDN: MBJZIV.

25. Васильева Т. А. Информационные технологии как инструмент демократизации парламентской деятельности: латиноамериканская практика // Государство и право. 2023. № 8. С. 142-153. DOI: 10.31857/S102694520027232-6. EDN: UUVXTA.
26. Кошель А. С. Использование инструментов "электронного парламента" в парламентских процедурах // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2021. № 3. С. 62-86. EDN: WYTYZP.
27. Souza E., Vitória D., Moriyama G., Santos L., Martins L., Souza M., Fonseca M. M., Félix N., Carvalho A., Albuquerque H.O., Oliveira A. L. I. An information retrieval pipeline for legislative documents from the Brazilian chamber of deputies // Legal knowledge and information systems. 2021. Pp. 119-126. DOI: 10.3233/FAIA210326.
28. Fitsilis F. Artificial Intelligence (AI) in parliaments-preliminary analysis of the Eduskunta experiment // The Journal of Legislative Studies. 2021. Vol. 27. No 4. Pp. 621-633. DOI: 10.1080/13572334.2021.1976947. EDN: ZMHMSY.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, парламентские процедуры. Автор собирался сосредоточить внимание на анализе конституционно-правовых традиций регламентирования данных процедур и современных тенденций их развития. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Проблематика парламентаризма, организационного обеспечения деятельности парламентских учреждений является актуальной в современных условиях, как в теоретическом, так и в практическом плане. Проблематика российского парламентаризма занимает особое место в российской модели конституционного развития и актуализируется по мере ее становления и развития на разных исторических этапах. В России парламентаризм является важным общепризнанным институтом, в связи с чем изучение громадного опыта, накопленного в России в данной области, имеет важнейшее значение". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна работы, автор не говорит. Фактически статья носит реферативный, обзорный характер, представляя собой компиляцию ряда использованных при ее написании источников, что подтверждается многочисленными ссылками на них. Автор не предлагает оригинальных дефиниций ключевых понятий статьи, не выявляет новых закономерностей правового регулирования парламентских процедур, не разрабатывает новых концепций регламентации соответствующих общественных отношений и т.д. В представленном на рецензирование виде статья не вносит особого вклада в развитие отечественной правовой науки.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор на основании анализа зарубежного и отечественного опыта в историческом срезе описывает парламентские процедуры и специфику их регламентации, определяя тенденции развития парламентских процедур. В заключительной части работы содержатся общие выводы по

результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков.

Так, автор пишет: "Проблематика парламентаризма, организационного обеспечения деятельности парламентских учреждений является актуальной в современных условиях, как в теоретическом, так и в практическом плане" - "Проблематика парламентаризма, организационного обеспечения деятельности парламентских учреждений является актуальной в современных условиях как в теоретическом, так и в практическом плане" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "В 1905 г. Николай П согласился на созыв Государственной Думы" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки (приведенный в рецензии перечень опечаток не является исчерпывающим!).

Инициалы ученого в тексте статьи ставятся перед его фамилией (см.: "Лазаревский Н. И.").

Автору следует избегать сплошного цитирования - это свидетельствует о несамостоятельности исследования. По всем дискуссионным вопросам необходимо высказывать свою аргументированную точку зрения.

Какие именно конституционно-правовые традиции регламентирования парламентских процедур выявлены автором?

Какие элементы парламентских процедур нуждаются в совершенствовании в России?

Библиография исследования представлена 35 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно. Однако некоторые положения работы нуждаются в уточнении и углублении.

Апелляция к оппонентам отсутствует. Автор ссылается на ряд использованных при написании статьи источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Конкретные парламентские процедуры обусловлены рядом факторов, которые в том числе являются неизменными и проявляются в любом парламенте, базирующемся, прежде всего, на представительной и законодательной его роли. Однако существует определенная специфика применительно к конкретным государствам, обусловленная особенностями формы правления, историко-правовыми традициями, объемом полномочий, пределами взаимодействия с другими органами публичной власти, закрепленными в конституциях, регламентах, других правовых актах, которую необходимо учитывать при решении современных проблем дифференциации парламентских процедур. Исходя из тенденций развития ИКТ, парламенты могут стать ведущими институтами в области применения инструментов и сервисов на основе ИИ как в сфере применения, так и в сфере регулирования ИИ, разрабатывая необходимые правовые механизмы. Вместе с тем возникают проблемы по выявлению пределов использования ИИ, прежде всего, в законодательном процессе, определения текущих тенденций в развитии отдельных этапов и элементов законодательства, что обусловлено во многом спонтанностью самих процессов информатизации, а также спецификой правотворчества, когда следует учитывать каждый этап, и тем фактором, что окончательные решения должны приниматься непосредственно самими членами представительного учреждения в рамках соблюдения конституционных принципов" и др.), однако носят общеизвестный характер. Следовательно, итоговые выводы нуждаются в уточнении и конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее существенной доработки: раскрытии методологии исследования,

дополнительном обосновании актуальности его темы, уточнении и углублении отдельных положений работы, введении элементов научной новизны и дискуссионности, формулировании четких и конкретных выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Парламентские процедуры: о конституционно-правовых традициях регламентирования и современных тенденциях развития (российский опыт и зарубежная практика)».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам парламентских процедур в контексте их исторического развития, а также современных тенденций. Автором рассматриваются научные подходы, касающиеся парламентских процедур, делаются принципиальные выводы применительно к современным тенденциям развития парламентских процедур, в частности по поводу внедрения искусственного интеллекта в законотворческий процесс. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, мнения ученых и информация (данные), полученные из открытых источников.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о парламентских процедурах. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Так, как отмечается в самой статье, «Применение сравнительно-правового метода и историко-правового подхода к анализу опыта регулирования работы парламентских учреждений позволяет проанализировать типологию регламентирования, процессуальное своеобразие и продемонстрировать схожесть парламентских процедур, особенно на ранних этапах, что свидетельствует о стабильности функционирования парламентских учреждений».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся сравнительно-правовой метод исследования, который позволил сопоставить право разных государств. В частности, отметим следующий авторский вывод: «В некоторых конституционных системах отмечается исключительный характер регламента как источника права. Так, в Италии соотношение между регламентом и обычным правом представляет собой соотношение отдельных полномочий, а в случае каких-либо конфликтов между этими источниками считается, что один из них действует *ultra vires*. Конституционный Суд Италии в решении N 78 от 1984 г. постановил, что «касается дисциплины законодательной процедуры, регламент каждой палаты как непосредственное развитие Конституции является осуществлением полномочий, изъятых из самого обычного права. Но если нормативная автономия каждой из двух палат

парламента является препятствием даже по отношению к обычному законодателю, то тем более следует учитывать, что правила одной палаты и, следовательно, толкование Конституции с этой даты имеют равное действие по отношению к другой палате, и наоборот»».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема парламентских процедур сложна и неоднозначна. Развитие общества требует в некоторой степени пересмотра ряда вопросов, касающихся политической деятельности общества, его отдельных институтов власти. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Проблематика парламентаризма, организационного обеспечения деятельности парламентских учреждений является актуальной в современных условиях, как в теоретическом, так и в практическом плане. Проблематика российского парламентаризма занимает особое место в российской модели конституционного развития и актуализируется по мере ее становления и развития на разных исторических этапах».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«парламенты могут стать ведущими институтами в области использования инструментов и сервисов на основе ИИ как в сфере применения, так и в регулирования ИИ, разрабатывая необходимые правовые механизмы. Однако проблемы применения ИИ, прежде всего, в законодательном процессе, трудно признать особенно насущными, поскольку опыт использования выглядит скорее как спорный и мало распространенный, что во многом обусловлено спонтанностью самих процессов информатизации. Требуются новые правовые стандарты регулирования, основанные на общем понятийном аппарате (гlossарии), что связано с накоплением и детальным анализом опыта».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению зарубежного опыта различных исторических периодов применительно к теме исследования, что может быть полезно специалистам в данной сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Политика и Общество», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с развитием парламентских процедур в России.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, сформулировать конкретные выводы по работе.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Авакьян С. А., Тихомиров Ю.А., Шульженко Ю.Л., Чиркин В.Е., Кравец И.А., Carey J.M., Micozz J.P. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области конституционного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным вопросам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»